

П. Н. БЕРКОВ

О так называемых „петровских повестях“

I

Из всех жанров древне-русской литературы позднее остальных привлекла внимание исследователей повесть. Изучение ее началось во второй половине XIX в. С 1854 г. стали появляться статьи А. Н. Пыпина, посвященные старинной повести,¹ завершившиеся изданной в 1857 г. известной его диссертацией „Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских“. В 1857 г. на страницах „Библиотеки для чтения“ была напечатана „История о славном и храбром Александре, кавалере российском“, отысканная и опубликованная М. И. Сухомлиновым.²

С этого времени по существу и начинается научная разработка старо-русской повести.

Изучение ее шло в двух „хронологических“ направлениях — исследователи стремились найти и наиболее ранние проявления повествовательной литературы на русской почве и самые поздние ее ответвления.

Характерно, что уже первые исследователи столкнулись с вопросом о датировке ряда поздних повестей и об отражении в них русской действительности петровского времени. В связи с этим возник особый термин „повесть петровского времени“. Кажется, первым применил его Л. Н. Майков в статье „Неизвестная русская повесть петровского времени“ („Гистория о российском матросе Василии Кориотском и прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли“), напечатанной в 1878 г.³ Относительно хронологического приурочения „Гистории о Василии Кориотском“ Л. Н. Майков писал: „Можно думать, что повесть о матросе Василии была написана в первой четверти прошлого века... Решение хроно-

¹ Старинная русская сказка о „Вавилонском царстве“. Известия Академии Наук, II Отделение. 1854, т. III, столб. 313—320; О романах в старинной русской литературе. Современник, 1854, т. XII, стр. 59.

² Библиотека для чтения, 1858, т. CI, 1, отд. „словесность“, стр. 1—8.

³ ЖМНП, 1878, июль, стр. 173—219; перепечатано в его „Очерках из истории русской литературы XVII и XVIII столетий“. СПб., 1889.

логического вопроса, хотя бы приблизительное, кажется нам существенно важным в настоящем случае: из него несомненно следует, что перед нами беллетристическое произведение из эпохи преобразования, производшего столь сильный переворот как во внешнем строе, так и во внутренней жизни русского общества. Как бы ни казалось ничтожно это произведение собственно в литературном отношении, все же в нем можно подметить некоторый след той необыкновенной эпохи, к которой оно принадлежит. К тому же это одно из очень немногих сочинений того времени в повествовательном роде¹.

Определив таким образом „Гисторию о матросе Василии“, Л. Н. Майков сразу сблизил ее с „другой повестью на ту же тему“, как писал он ниже, с „Историей о славном храбром Александре, кавалере российском“². Для Л. Н. Майкова „выражаемые [в этой повести] мнения принадлежат именно русскому обществу петровской эпохи и находятся в прямой связи с тогдашними переменами в русских нравах и обычаях“³.

Хотя несколько далее в той же статье Л. Н. Майков осторожно определял эпоху, изображенную в названных повестях как двадцатые и тридцатые годы XVIII в.,⁴ тем не менее окончательный вывод был решительно сформулирован им в следующем виде: „Гистория о матросе Василии» есть явление, без сомнения, характеристичное для эпохи петровской“⁵.

В. В. Сиповский, в предисловии к „Русским повестям XVII—XVIII вв.“, еще более расширил объем понятия „петровская повесть“. „Четыре следующие повести: об Архилабоне, Василии матросе, Александре — кавалере российском и о купце Иоанне, одного характера, — писал В. В. Сиповский, — различаются лишь своим составом... «Действительность» русской жизни начала XVIII в. в разной степени ярко сказывается во всех этих повестях, — и в этом их особое значение“⁶. Дав характеристику каждой из этих повестей в отдельности и всей группы в целом, В. В. Сиповский вскользь коснулся и вопроса об их датировке: „Своеобразный петровский стиль, обильный варваризмами, дает довольно верные данные для определения, какие из этих произведений относятся к эпохе Петра“⁷. К словам „обильный варваризмами“ В. В. Сиповский сделал примечание, которое еще больше уточняло аргументацию для приурочения этих повестей к петровской эпохе: „Такими излюбленными словами были: ария (вм. песня), апортамент (вм. комната), ассамблея, притти в алтерацию (измениться в лице), дешперат (обморок), конфузия,

¹ Очерки, стр. 192—193.

² Там же, стр. 193.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Там же, стр. 217.

⁵ Там же, стр. 224.

⁶ Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. Л.

⁷ Там же, стр. LI.

презент, пароль (обещание, «слово») и мн. др.¹ Нам придется еще коснуться этого аргумента при критике понятия „петровская повесть“, а сейчас мы отметим только, что после работ Л. Н. Майкова и В. В. Сиповского термин „петровская повесть“, соответствующий определенному научному понятию, прочно вошел в литературоведческий обиход и отразился даже в школьной практике как дореволюционной, так и послеоктябрьской, как в средней, так и в высшей школе. Не только программы вузовских курсов по истории русской литературы XVIII в. систематически пользуются термином „повесть (иногда: беллетристика) петровского времени“,² но и учебники для высших учебных заведений по тому же курсу, и научно-обобщающие труды вроде „Истории русской литературы“ Академии Наук (т. III) без малейших колебаний употребляют термин „петровская повесть“, упрочивая и поддерживая своим авторитетом фикцию, возникшую на определенном этапе научного развития. Как бывает во многих случаях, это понятие на известном отрезке истории науки было полезно, но в дальнейшем оно сделалось уже тормозом для более правильного и углубленного изучения материала.

Это тем досаднее, что уже четверть века назад была сделана попытка отнестись более внимательно к хронологическому приурочению некоторых из повестей, относимых к группе „петровских“. Я имею в виду одно место во „Введении в историю старорусской повести“ Н. К. Пиксанова. Вот что читаем мы там: „Кстати: обсуждая хронологическое приурочение русской повести о Париже и Вене, проф. Шляпкин находит, что «перевод несколько позднее 1725 г. и относится ко времени Анны Иоанновны» (что и правильно), но тут же считает ее «образчиком конца петровской эпохи», т. е. дает термину «петровская эпоха» расширительное понимание. Несомненно, многие повести так называемой «петровской эпохи» относятся ко времени Анны Иоанновны, даже Елизаветы Петровны. Пора отрешиться от злоупотребления термином «петровская эпоха» (им злоупотребляют и в учебниках, — напр. Саводника, и в университетских курсах, — напр. Петухова) и пользоваться в соответствующих случаях термином «аннинское время», как следует употреблять термин «алексеевское время» — на одинаковых правах с «петровским», «елизаветинским», «екатерининским». Аннинское время имеет свои заметные своеобразия и, в частности, для русской рукописной повести, как и для театра, является характерной, легко ощутимой эпохой“.³

Прекрасный знаток литературы XVIII в., Н. К. Пиксанов правильно заметил путаницу, возникшую в результате некритического употребления

¹ Там же, стр. LI.

² Ленингр. Гос. университет. Филологический факультет. Программы по истории русской литературы для II, III и IV курсов на 1939—1940 учебный год. Л., 1939, стр. 8; то же на 1940—1941 учебный год. Л., 1941, стр. 6; Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Программа по курсу „Русская литература XVIII века“. М., 1940, стр. 4; Министерство Высшего образования СССР. Программа по курсу „Русская литература XVIII века“. М., 1946, стр. 4.

³ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М. — П., 1923, стр. 28.

термина „петровская повесть“. Если и не со всем можно согласиться в приведенной нами выше цитате, то основная мысль Н. К. Пиксанова безусловно верна, и расширительному толкованию термина „петровское время“ следовало положить конец. К сожалению, этот трезвый голос не был услышан, и научные права гражданства за понятием „петровская повесть“ сохранились, как мы видели, и до сих пор.

II

В. В. Сиповский считал повестями петровского времени четыре произведения авантюрно-галантного жанра: „Гисторию царевича Архилабона“, „Гисторию о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли“, „Историю о Александре, российском дворянине“ и „Историю о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре“. В такой именно последовательности перечислены они были издателем в цитированном нами отрывке из предисловия к „Русским повестям XVII—XVIII вв.“, в таком почти порядке они были и напечатаны в основном тексте книги с одним только отступлением: между двумя последними повестями В. В. Сиповский без какой-либо мотивировки поместил „Гисторию о Ярополе царевиче“. Насколько владела В. В. Сиповским идея „повести петровского времени“, можно видеть из того, что, помещая на первом месте „Гисторию королевича Архилабона“, он не счел даже нужным объяснить свое отношение к печатаемому им подзаголовку: „Сочинена трудами правительствующего Сената действительного коллегии юнкора Петра Орлова в Москве марта 1750 года“. Так и осталась повесть, написанная в 1750 г., „повестью петровского времени“. Это оказалось тем более возможным, что „своеобразный петровский стиль, обильный варваризмами“, являвшийся для В. В. Сиповского источником „довольно верных данных для определения“ принадлежности этих произведений к эпохе Петра, здесь безусловно налицо: здесь и „академия“, и „инструменты“, и „фельдмаршал“, и „термин“, и „персона“, и „генералитет“, и „авдиенция“, и „конференция“, и „баталия“, и „камора“ и т. д., и т. д. Словом, если бы не было в подзаголовке даты написания „Гистории“ и фамилии автора, лица, в известной мере, исторического,¹ то, основываясь на одних только „варваризмах“, можно было бы безусловно признать ее „петровской повестью“.

Сейчас „Гистория королевича Архилабона“ никем уже не признается „повестью петровского времени“, но на шатких основаниях „духа“ петровской эпохи и „варваризмов“ в „петровские повести“ попрежнему включаются остальные произведения, названные В. В. Сиповским, и ряд других; так, например, в защищенной в 1948 г. диссертации о „Гистории о Ярополе царевиче“ М. В. Николаева считала, что написал эту повесть „автор, переживший опыт петровской эпохи“. Хотя это и не прямое зачисление „Гистории о Ярополе царевиче“ в „петровские повести“, но

¹ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть, стр. 73—74.

расширительное толкование термина „петровская эпоха“ здесь налицо.

Между тем такое суммарное пользование понятием и термином „петровская повесть“ только мешает развитию наших знаний в области истории русской повести и пониманию этой части русского литературного процесса.

Пора пересмотреть и самые так называемые „петровские повести“, и понятие и термин „петровская повесть“.

Было время, когда выдвинутый в дореволюционном литературоведении термин „петровская повесть“ играл прогрессивную роль. Он позволил объединить ряд повестей, отличительной чертой которых было наличие более демократического героя, более реалистическое, чем в старой повести, содержание, более простой язык, наконец отражение реалий петровского, как тогда казалось, времени.

В настоящее время наши знания литературы послепетровского времени, а также и истории литературного языка того же периода значительно глубже, чем в дореволюционном литературоведении. Мы знаем, что „варваризмы петровского времени“ не исчезли мгновенно со смертью Петра, а продолжали еще очень долго, до 1760-х гг., употребляться в административно-канцелярской практике, а Петр Орлов, автор „Истории королевича Архилабона“, как раз и был канцелярским служащим. Вообще же хронологическое приурочение путем отыскания „варваризмов петровской эпохи“ нельзя считать правильным. Ведь варваризмы не только появляются и исчезают, но и какой-то период „обращаются“, иногда довольно долго. Поэтому ошибочно датировать произведение по начальному периоду употребления того или иного „варваризма“, а должно искать более точных опорных данных; в настоящее время в советском литературоведении не принято определять датировку подобными ненадежными способами.

Советские литературоведы умеют сейчас более осторожно анализировать „содержание“ „петровских повестей“ и обнаруживать в них черты более позднего времени.

Таким образом, в настоящее время понятие „петровская повесть“ надо и можно дифференцировать.

Бесспорно повестью петровского времени является, на наш взгляд, только „История о российском матросе Василии Кориотском“ или, как, повидимому, более правильно, читается в некоторых списках, „Василии Кириацком“. Здесь налицо не только „дух“ и реалии петровской эпохи, но, надо полагать, и отражение конкретных исторических воспоминаний. К числу последних следует отнести эпизод пребывания героя повести у цесаря. Как известно, политические эмигранты из петровской России (царевич Алексей, кн. А. П. Прозоровский¹ и др.) бежали к австрийскому императору.

¹ С. Ф. Платонов. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697—1720). Доклады АН (ДАН-В), 1929, № 12, стр. 236—243.

Если же обратиться к повести об Александре российском дворянине, то в ней все, начиная со „столичного города Москвы“, в котором родился герой, и продолжая другими подробностями, приводит нас из петровской эпохи ко времени Петра II и начальным годам царствования Анны Иоанновны. В самом деле, „столичным городом“ Москва становится на короткое время царствования Петра II (с 1728 г.) и до переезда Анны Иоанновны из Москвы в Петербург в 1732 г. Российский кавалер Александр играет на флейт-реверсе, инструменте, модном в самом конце 1720-х гг. Так, Антиох Кантемир в 1728 г. берет уроки игры на флейт-реверсе. Как раз в это же время Тредиаковский пишет „Стихи похвальные России“ („Начну на флейте стихи печальны“).

Резко отличается мотивировка поездки за границу Александра от поездки Василия: у последнего заграничное путешествие возникает в результате указа „маршировать“ в Голландию „для наук арифметических и разных языков“; Александр же, хотя „философии и протчих наук достигл“, „склонность же его была более в забавах, нежели во уединении быть“, и едет он за границу, так как „возревновал красоту маловременной жизни света сего зрети“, что его галантные похождения в Лилле и подтверждают. В этом смысле поведение Александра больше похоже на поведение путешественников времени начала царствования Анны Иоанновны, когда на долгий период вообще были запрещены поездки русских людей за границу.

Разницу между поездкой Василия и Александра можно охарактеризовать удачной, на наш взгляд, формулой, употребленной К. В. Сивковым в статье „Путешествия русских людей за границу в XVIII в.“: путешественники петровского времени это „подневольные путешественники“, в царствование же Елизаветы „путешествие за границу становится для аристократа-дворянина (пока только для него) почти необходимым фактором в ходе его образования и воспитания“.¹

Между повестями о Василии и Александре значительная разница и в стиле. Первая еще тесно связана с фольклором (это очень убедительно показано в ненапечатанной работе Г. Н. Моисеевой), во второй заметно влияние авантюрно-галантной повести, лишенной фольклорной основы и вообще связей с фольклором. Если в „Истории о Василии“ реалистические тенденции уживаются с фольклорными мотивами, то в „Истории о российском дворянине Александре“ самая „реалистичность“ авантюрно-галантного происхождения.

Еще более поздним временем следует датировать третью „петровскую повесть“ — „Историю о российском купце Иоанне“, которая, повидимому,

¹ К. В. Сивков. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914, стр. 9 и 11. Ср. слова Александра к отцу: „Понеже во всем свете до единого обычая имеют чад своих обучати и потом в чуждые государства для обретения вещей чести и славы отпускают... Учините мя равно с подобными мне, ибо чрез удержание свое можете мне вечное поношение учинити, — и како могу назваться и чем похваляюся?“ (стр. 130)

является купеческой переделкой повести об Александре (в частности сохранена „прекрасная девица Елеонора“). Не исключена, впрочем, возможность, что это, как писали в конце XVIII в., „полусправедливая“ повесть, т. е. что она навеяна каким-то реальным эпизодом из жизни русского посетителя „французского города Париш“, причем, конечно, были изменены имена действующих лиц, замещенные такими, как Анис Мальтик, Дальбахт, Селибрах и т. д.

Обычно, излагая содержание „петровских повестей“ и характеризуя их особенности, пишущие об этом как раз опускают все то, что делает их непохожими друг на друга, и останавливаются на том, что якобы их сближает.

Мы видели, что ссылки на „дух“ эпохи и на „варваризмы“ не могут служить достаточным доводом за „петровскую“ приуроченность всех этих повестей. Нельзя поэтому оперировать в настоящее время нерасчлennым и неуточненным понятием „петровская повесть“. „Гистория о Василии“ — одно, „История о Александре“ и „История о Иоанне“ — другое. В первом случае — действительно человек новый, человек петровского времени; в двух других случаях — люди следующего поколения с иными целями, с иными интересами, с иным жизненным опытом. В двух последних повестях „наука“, за которой якобы едут герои за границу, никакого влияния не играет. Характерно, что такой же не развитый мотив „науки“ есть и в „Гистории о Ярополе“.

Несмотря на различие в поведении за границей героев трех якобы „петровских повестей“, объединяет эти произведения все же то, что герои их значительно более демократичны, чем герои повестей более раннего и более позднего времени. В петровскую пору и в десятилетие следовавшее непосредственно затем, был налицо несомненный интерес к „демократическому“ (относительно) герою. Даже переведенная Тредиаковским „Езда в остров любви“ (1731) говорит о похождениях абстрактного „простого“ человека. К этому же времени относятся и некоторые драматические произведения с подобным же, а иногда и вовсе демократическим героем (напр., Гаер, арликин российский и т. д.).

В царствование Елизаветы и даже в конце царствования Анны Иоанновны замечается реакция: и в театре (трагедии Сумарокова) и в литературе (ода, панегирическая проповедь, иллюминационные надписи) героями вновь становятся лица „высокого“ происхождения, короче говоря, цари и равные им по положению „особы“. В эти годы вновь обнаруживается в повествовательной литературе интерес к героям-царям, к их воинским подвигам, к пышному придворному ритуалу и т. д. В эти годы пишутся „Гистория королевича Архилабона“ П. С. Орлова и новая „осложненная“ редакция повести о Василии Кириацком (пока еще не опубликованная). К этим годам, очевидно, относится и „Гистория о царевиче Ярополе“. Это, по существу, „возврат“ к традициям допетровской повести и, конечно, „возврат“, не имевший прогрессивного характера.

III

В настоящей статье нам пришлось упомянуть несколько раз „Гисторию о царевиче Ярополе“. Позволим себе высказать отдельные соображения по поводу этой повести. Она дошла до нас в единственном пока известном списке. Исследование М. В. Николаевой показало, что данная рукопись представляет копию, причем нельзя утверждать точно, копию ли с оригинала или с копии. Имеющийся у нас текст, не вполне точно воспроизведенный в книге В. В. Сиповского, безусловно относится к XVIII в. Но из этого факта нельзя делать заключение, что и самая повесть, вернее „оригинал“ повести был создан в XVIII в.

Если отбросить наслоения, привнесенные в XVIII в., то в основе „Гистории о царевиче Ярополе“ лежит, повидимому, какая-то старая „воинская“ повесть, пропитавшаяся мотивами борьбы с татарами (кавказскими или крымскими, трудно сказать). Отсюда „земли и орды“ (Сиповский, стр. 220 и 238); отсюда „грады, села и улусы“ (стр. 259); отсюда и частые упоминания „таишей“. Со старой, допетровской повестью роднит „Гисторию о царевиче Ярополе“ и то, что в основе герои и их войска сражаются не при помощи огнестрельного оружия, а с помощью луков и стрел.

Связывает повесть о Ярополе с допетровской традицией и взгляд на женское „злонравие“. Весь эпизод с героиней повести, Параклитой, сперва „обручницей“ царя Моафа, а затем влюбляющейся в неопознанного пока царевича Яропола Моафовича, дан в повести лишь как иллюстрация того, как ненадежна женская верность: „Тогда рече царь: «Впредь только сим не похваляйся женскою и девическою слабостию! знаешь, женской пол подобен огню, а ты [отец Параклиты] хвастал!» — «Где нам сие знаты! Весь народ знает, а отец и мать не знают»“ (стр. 248).

Как все это далеко от нового взгляда на женщину, отразившегося в споре трех кавалеров о женщине в „Истории о российском дворянине Александре“! Это, конечно, не признание за женщиной права на свободное изъявление чувств, а та же, что и в средневековой литературе, осуждающая точка зрения, только без упоминания формулы „сосуд дьявольский“.

„Гистория о царевиче Ярополе“ представляет трафаретную „воинскую“ повесть, в которой интерес сосредоточен на хитростях завоевателей, применяющих то „каменных людей“ (нечто вроде управляемых автоматов), то шары с горючими составами, то смоляные рвы и ямы и т. д. Можно было бы предположить, что здесь проявляется, как в „Гистории о Василии Кориотском“, личная инициатива героев, но оказывается, что все здесь предусмотрено „планедами“ и совершается „по планедам“. Кстати, предсказания „по планедам“ играют в повести о Ярополе большую роль. Не нужно, однако, видеть в этом факте признак какой-либо особой отсталости автора „Гистории о царевиче Ярополе“. В ту эпоху это было распространено. Чтобы не быть

голословным, укажу на любопытную заметку в „Санкт-Петербургских ведомостях“, 1729, 16 сентября, № 74, в которой сообщается, что недавно рождение наследника французского престола (принца Людовика, отца Людовика XVI) было предсказано парижскими астрономами, обнаружившими во время беременности королевы-матери новую звезду вблизи солнца.

Таким образом, в основе „Гистории о царевиче Ярополе“ лежит какое-то старое произведение, повесть допетровского времени; в 1740-х, 1750-х гг. она, повидимому, была переделана и приноровлена ко вкусам литературных ценителей из подъяческой среды. На это заключение наводит наличие ряда реалий, относящихся ко второй четверти XVIII в. Следы переработки можно усмотреть в том, что некоторые эпизоды, намечавшиеся в повести, остались затем не развитыми. Так, например, министр, к которому за границей поступают царевич Моаф и его мудрый наставник Агар, предупреждает последних о том, что они должны сообщать ему обо всем слышанном (стр. 224), а в самой повести этот эпизод не развертывается. Также свидетельством какой-то неудачной обработки повести-оригинала является то, что, с одной стороны, поиски царем Адидором исчезнувших Моафа с Агаром оказались безрезультатными (стр. 233), а с другой — покинутая Моафом Алимпиада открывает своему сыну, кто его отец и где он царствует (стр. 234).

Не могу не отметить некоторых особенностей художественной манеры неизвестного автора „Гистории о царевиче Ярополе“. В повести есть несколько любопытных своей реалистичностью, даже натуралистичностью мест. Так, изображая танцы придворных фрейлин, автор „Гистории“ пишет: „Так танцовали, что и сорочки хотя выжми от поту их“ (стр. 228). В другом месте изображается впечатление, произведенное на коней двух враждебных войск грохотом музыкальных инструментов: „И здесь как забили в бубны и в политавры, во обоих сражающихся силах на подобие, яко гром загремеша; и кони оного царя Антиоха падоша на землю от страху, ибо такого бубного ударения и в политавры играния не слышали, а у Яропола цесаревича стояще ободряхуся, только ушами потиху шевелеша“ (стр. 268). Нельзя не признать этот образ прекрасным: „только ушами потиху шевелеша“. Возможно, что автор был сам человеком военным и наблюдал подобное и в жизни.

Но относится ли это к автору повести-оригинала или обработки, сказать трудно; скорее можно допустить, что этот образ был в старой „воинской“ повести (на это наводит форма „шевелеша“), а не был внесен при переработке.

Подведем итоги:

1. То, что в науке называется „петровской повестью“, представляет сочетание ряда хронологически различных этапов истории повествовательного жанра.